

—

До рассвета Таоюй уже был поднят с постели.

Хуан Маньцзин принесла в комнату большой таз с ароматной водой и опустила в него руки сонного Таоюя.

«Что за день, а ты всё спишь, давай, просыпайся!»

Таоюй держал руки в теплой воде и сонно пробормотал: «Свадьба, свадьба только вечером. Встань на минуту раньше — и придется ждать на минуту дольше».

«Глупости говоришь, разве не нужно встать, чтобы привести себя в порядок и надеть свадебный наряд?»

Хуан Маньцзин торопила: «Я принесла тебе горячую воду в ванную, иди быстрее купаться».

Таоюй, постоянно подгоняемый матерью, не мог не проснуться.

Просто прошлой ночью он был слишком взволнован, а ещё перечитал в постели небольшую иллюстрированную книжку, так что не мог уснуть до полуночи и уснул только после того, как зажег успокаивающее благовоние.

Последствием этого было то, что утром он никак не мог проснуться.

«Не стоило выходить замуж зимой, так рано утром принимать ванну слишком холодно!»

Хуан Маньцзин достала присланное из города свадебное платье, встряхнула его и проверила еще раз, чтобы убедиться, что все в порядке. Затем она не смогла сдержать смех, услышав звуки, доносившиеся из ванной.

«Тогда пойдя и попроси отца передать Хо Шу, что ты сможешь выйти замуж летом следующего года».

Таоюй сидел в ванне, думая о том, что снаружи уже вовсю готовятся к банкету, и сейчас уже слишком поздно отказываться.

«Не сиди долго в воде, берегись, чтобы не простудиться».

Хуан Маньцзин внесла жаровню: «Мама принесла тебе ещё жаровню, в комнате очень тепло, можешь выйти в нижнем белье и надеть свадебный наряд».

«Выхожу, выхожу».

Таоюй набросил тонкую нательную рубашку, обхватив руками плечи, вбежал в комнату и подбежал к жаровне, трясая ногами и растирая руки, чтобы согреться.

Хуан Маньцзин взяла сухое полотенце, чтобы вытереть ему волосы, и, видя, что нижние рубашка и штаны Таоюя праздничного красного цвета, улыбнулась:

«Этот красный материал действительно красив, он заставляет людей выглядеть намного энергичнее».

Услышав это, Таоюй невольно взглянул на себя в медное зеркало: алые губы и белые зубы, он действительно выглядел гораздо бодрее.

Он несколько самонадеянно подумал, что такой добросердечный молодой гер — настоящая находка для такого грубого старика, как Хо Шу.

«Ты, ты просто вылитый твой маленький дедушка, он в свое время был известен своей красотой».

Таоюй, услышав это, тут же пришел в себя, поджал губы и тихо сказал: «Мама ведь не видела маленького дедушку?»

Голос Хуан Маньцзин внезапно стал немного меланхоличным: «Я видела его портрет в комнате твоего дедушки».

Таоюй редко слышал от матери о маленьком дедушке. Говорят, он умер во время родов, когда родилась его мама.

Дедушка и маленький дедушка были очень близки, и смерть маленького дедушки сильно потрясла Хуан Иньшэна, из-за чего он долго пребывал в унынии.

Когда маленький дедушка умер, Хуан Иньшэну было немногим больше двадцати, но он больше не женился до сегодняшнего дня.

То, что его мать сегодня сама заговорила о маленьком дедушке, означало, что она, должно быть, очень счастлива.

Он сказал: «Дедушка говорил, что маленький дедушка был благородного происхождения, а дедушка был странствующим лекарем, как же он познакомился с благородным гером? Каждый раз, когда я его спрашиваю, он мне не рассказывает».

Хуан Маньцзин сказала: «Твой дедушка тогда разорился, поэтому он странствовал и работал лекарем. В свое время его предки даже были придворными лекарями в императорском дворце. Можно сказать, что у них были довольно глубокие семейные корни».

«Вначале, когда твой дедушка странствовал по уезду Юйчан, там было много гор и опасных мест, но также много горных лесов и трав. Твой дедушка в молодости был увлечен медициной, поэтому он провел некоторое время в уезде Юйчан. Твой маленький дедушка был родом из уезда Юйчан, и с детства у него было слабое здоровье, он постоянно пил лекарства и чаще всего видел разных врачей».

В то время Хуан Иньшэн, собирая горные травы, также лечил людей.

Во-первых, это позволяло ему встречаться с трудноизлечимыми болезнями и совершенствовать свои медицинские навыки, а во-вторых, для путешествий и жизни нужны были средства.

По стечению обстоятельств, его пригласили в поместье Сяо для осмотра молодого господина Сяо.

В то время молодой господин семьи Сяо был в расцвете лет, хотя и был болен, но был начитан и талантлив. Предки Хуан Иньшэна были из семьи медицинских чиновников, поэтому его знания также были немалыми.

Помимо отношений врача и пациента, они довольно хорошо ладили.

Со временем между ними возникли и другие чувства.

«Семья Сяо тоже была разумной. Увидев, что они оба талантливы и красивы, а твой дедушка к тому же был хорошим врачом и мог позаботиться о твоём маленьком дедушке, они согласились на этот брак, даже если у твоего дедушки тогда ничего не было».

«После свадьбы они жили очень мирно, здоровье твоего маленького дедушки значительно улучшилось, но потом... появилась твоя мама...»

Таоюй заметил, что голос его матери слегка замер, и погладил её руку, чтобы утешить.

«У твоего маленького дедушки было слабое здоровье, он не мог путешествовать далеко, и всегда говорил, что хочет посмотреть на Цзяннань, но так и не смог. Через несколько лет после его смерти твой дедушка привез меня в Тунчжоу, а потом я вышла замуж за твоего отца, и твой дедушка больше не упоминал о возвращении в Юйчан».

Хуан Маньцзин сказала: «Эти вещи следовало бы рассказать тебе раньше. Раньше не было возможности, а теперь ты вырос и выходишь замуж, и должен знать о прошлом семьи».

Сказав это, она погладила Таоюя по лицу: «Ну вот, волосы почти высохли».

Таоюй только хотел открыть рот, как снаружи послышался шум: пришли родственники из клана Цзи того же поколения.

Несколько геров и девушек примерно одного возраста ворвались в комнату и в один голос закричали: «Шестая тётушка, Тао гер».

Таоюй давно не видел всех своих братьев и сестер вместе, и на его лице тоже появилась улыбка, он по очереди поздоровался со всеми.

Хуан Маньцзин сказала: «Все пришли? Отлично, помогите Сяо Таоцзы привести себя в порядок».

«Хорошо. Шестая тётушка, иди займись своими делами, люди из Четырех Департаментов и Шести Бюро уже пришли!»

Как только Хуан Маньцзин вышла, несколько девушек и геров тут же оживились и стали более раскованными.

У Цзи Янцзуна было восемь братьев и сестер одного поколения, и сегодня пришли как родные, так и двоюродные. Сразу же вошли четверо, и в комнате стало шумно.

«Тао гер, твой свадебный наряд такой красивый! Швы аккуратные, узор изящный, я даже такой ткани не видела!»

Ли гер, из семьи старшего брата, увидел висящий на вешалке алый свадебный наряд, он с удивлением и завистью потрогал его: «Это сделано на заказ или куплено в магазине тканей?»

«Сделано в магазине тканей «Десять Ли», ткань только что привез управляющий, всего несколько футов этой красной ткани было привезено, я успел вовремя и забрал всё».

Таоюй счастливо поднял брови, разве может узор быть неизысканным, это же сестра У Сань специально для него сделала, другие даже за деньги не купят.

«Мне бы хотелось иметь такой же свадебный наряд, когда я выйду замуж».

Ли гер с сожалением сказал: «Жаль, что мой маленький папа измерил мои размеры несколько

дней назад и сказал, что сам сделает мне наряд. В любом случае, до свадьбы ещё почти два года, так что сделанный сейчас размер подойдёт».

Юань Хун, гер четвёртого маленького дяди Таоюя, сказал: «Говорят, жених Тао гера дал целых сто двадцать лян в качестве подарка на помолвку! Мой отец, услышав о таком большом подарке, даже глаза выпучил. Он и так требовал высокого приданого, а теперь, имея Тао гера в качестве примера, боюсь, он снова заговорит».

Юань Хун вздохнул: «Если следовать требованиям моего отца, я не знаю, когда выйду замуж».

Цзи Чунь, из семьи второго брата, расчесывала волосы Таоюя: «Мне не нужен такой красивый свадебный наряд, и я не завидую такому большому приданому. Мне бы хотелось, чтобы после свадьбы я могла остаться дома, как Тао гер. В день свадьбы радуются только мужчины, которые могут привести кого-то в дом. А в семье жены грустят, потому что дочери и геры должны покинуть дом, и у родителей становится меньше детей».

При упоминании этого все прониклись сочувствием.

«Как же у шестого дяди такой хороший вкус, что он нашёл такого зятя».

«Наш Тао гер был благословлён с юных лет. Я, когда приезжал сюда, никогда не оставался без закусок, это везение продлится на всю жизнь».

Таоюй, видя, как братья и сестры завидуют, сказал: «А вот о том, что я в детстве каждый день пил лекарства и мне не разрешали выходить из дома, вы почему-то ни слова не упоминаете. В противном случае, я бы поменялся с вами своим здоровьем».

«Давай, давай, меняемся! Кто передумает, тот щенок».

В комнате раздался смех, и Цзи Янцзун, поспешно проходя мимо, услышал шум и крикнул в окно: «Не шумите! Это же свадьба! Все такие взрослые, и так себя ведут!»

Услышав это, несколько человек прикрыли рты, чтобы не смеяться.

—

Поскольку это был визит в дом, но не совсем обычный визит.

Свадебные обряды были несколько неудобными, и их нельзя было провести по обычным правилам.

Поэтому, когда пришло время, Хо Шу всё равно приехал с барабанами и гонгами, а церемония поклонения состоялась здесь.

После полудня родственники с обеих сторон начали прибывать, и просторный двор становился всё оживленнее.

Погода была хорошая, дождя не было, хотя земля была грязной, но без дождя было все-таки теплее.

Когда слышался звук петард и зазвучали гонги, все гости тут же встали со своих мест и пошли посмотреть на жениха.

«Этот парень, в такой счастливый день всё равно с таким лицом, ха».

«Лицо у него хоть и серьезное, но он бесспорно мужественный, на высокой лошади он выглядит очень статно».

Жители деревни наблюдали за весельем, ели свадебные конфеты и обсуждали, перешептываясь.

Под звуки петард, новобрачные поклонились Юань Хуэйжу и супругам Цзи в зале.

Таоюй, накрытый красной вуалью, был выведен из комнаты, и кроме своих ног он ничего не видел.

Хотя это был их собственный дом, его двоюродная сестра сказала, что снаружи всё равно приготовили жаровню, через которую нужно было перешагнуть.

Его вели во двор, он шел осторожно, боясь случайно наступить в жаровню и вызвать смех гостей.

Услышав, как старейшина клана произнес слова о перешагивании через огненный котел, он слегка приподнял подол одежды, собираясь пройти, но внезапно почувствовал, как его тело повисло в воздухе, и вокруг него тут же поднялся шум.

Таоюй уткнулся в объятия Хо Шу, его лицо под красной вуалью покраснело.

Ещё недавно он жаловался, что вуаль мешает, и он не может посмотреть, как выглядит Хо Шу сегодня, а теперь он был рад, что есть красная вуаль, иначе он бы, наверное, умер от стыда.

Хо Шу совершенно не обращал внимания на насмешки толпы. Он только смотрел на гера,

плотно завернутого в свадебный наряд, и, убедившись, что под вуалью именно тот, кого он ждал, когда подхватил его на руки, уверенно направился в зал.

Чтобы не было подмены, и не привели кого-то другого, во всем нужно быть осторожным.

Войдя в зал, Хо Шу опустил его, беспокоясь, что человек рядом с ним не видит и может упасть, хотел взять его за руку, но, к сожалению, церемониймейстер дал ему красную ленту, и им пришлось держаться за разные концы.

Из-за этикета он мог сделать только так, но всё же сократил расстояние между концами красной ленты.

Возможно, из-за того, что он поздно лёг и рано встал, а утром ещё и помыл волосы, Таоюй чувствовал себя немного ошеломлённым. Он слушал церемониймейстера и кланялся небу и земле, кланялся родителям.

Во время поклона друг другу он немного прояснился и, опустив голову, увидел большие ноги Хо Шу.

После всех хлопот Таоюя снова отправили в комнату.

Раньше его сопровождали геры и сестры, чтобы помочь ему привести себя в порядок, а теперь, после церемонии, все вышли, чтобы поболтать и поесть, и в комнате стало тихо, остался только он один.

Таоюй послушно посидел у кровати некоторое время, слушая, как снаружи ещё подают блюда, и, поглаживая живот, невольно сглотнул слюну. Он сначала снял вуаль.

Тяжелая одежда, он даже немного задыхался.

Он медленно подошел к столу, чтобы налить воды, как вдруг скрипнула дверь, и он поспешно хотел вернуться к кровати, но увидел, что вошла его мать.

«Когда поешь, вытри рот и снова нанеси немного цвета красной бумагой, потом я войду, чтобы убрать посуду».

Таоюй увидел, что его мать принесла много еды: курицу, утку, рыбу, речные деликатесы – всё было, хотя каждой порции было немного, но разнообразие было полным, занимая половину стола.

Он тут же подбежал, быстро придвинул стул к столу и сел: «Разве можно есть во время свадьбы?»

«Хо Шу велел принести тебе».

Хуан Маньцзин, накрывая на стол, сказала: «Балует тебя, боится, что ты проголодаешься».

Таоюй немного смутился: «Я просто как-то упомянул ему, что на своей свадьбе я не смогу поесть со всеми, а только доедать остатки, и не думал, что он запомнит».

Смущение смущением, но палочки не бездействовали.

Он запихнул кусочек соленого мяса в рот, после целого утра хлопот он не съел ни крошки, и его желудок уже был пуст.

«Где он?»

«Смотри, как ты торопишься, не боишься, что люди засмеют. Он стоит снаружи и пьет за твоего отца, признавая его родство».

Таоюй, услышав это, рассмеялся: «Наверное, никто не посмеет подбивать его пить больше».

Хуан Маньцзин тоже рассмеялась: «Вот именно, никто не осмелится с ним спорить насчет выпивки».

Таоюй, закрыв дверь, в комнате грыз куриное крылышко и очищал креветок, его живот был полон.

Теперь он был доволен. Он вымыл руки и вытер лицо, затем, по совету матери, подкрасил губы.

Снаружи звенели кубки, постепенно темнело, он закончил приводить себя в порядок, снова накрылся вуалью и вновь чинно уселся на краю кровати.

Сегодня пришли почти все жители деревни, а также несколько людей из других мест, которые близко общались с Цзи Янцзуном и пришли поздравить. Было накрыто несколько десятков столов.

Такой оживленный банкет бывает нечасто, и Цзи Янцзун, ведя своего зятя от стола к столу, чувствовал себя очень гордо.

Хо Шу не говорил цветистых слов, Цзи Янцзун называл, кто есть кто, а он в ответ лишь кивал и поднимал тост.

Гэ Лян, будучи гостем со стороны Хо Шу, опасался, что Хо Шу не выдержит, и помогал ему

отбиваться от предложений выпить.

Обойдя всех, заметив, что время уже позднее, и банкет перешел во вторую половину, Цзи Янцзун очень тактично махнул рукой, позволяя Хо Шу идти по своим делам.

При виде Хо Шу никто и не осмелился бы устраивать какие-либо шалости в брачной комнате.

Таким образом, новоиспеченный муж был избавлен от этого нежеланного этапа.

Хо Шу смотрел на плотно закрытую дверь с наклеенным на нее иероглифом «счастье» и даже затаил дыхание. Это был первый раз, когда он вошел в эту комнату через дверь.

Открыв дверь, он увидел повсюду красные ленты и узоры на окнах. Это было совершенно другое помещение, нежели раньше, полностью преображенное.

Он направился прямо к кровати, посмотрел на человека, лежащего на ней, и его брови невольно дрогнули.

Тот, кто должен был сидеть на краю кровати и ждать жениха, теперь лежал на кровати, крепко спал, и не было в нем ни малейшего намека на свадебную стеснительность.

Хо Шу слегка усмехнулся, осторожно наклонился, чтобы накрыть одеялом спящего на кровати гера, но как только край одеяла коснулся его, Таоюй, лежащий на боку, открыл глаза.

Он сонно посмотрел на Хо Шу, некоторое время был в замешательстве, но вскоре пришел в себя.

«Ты, ты... снаружи всё закончилось?»

Таоюй поспешно сел, торопливо поправил волосы и одежду.

«Я немного поел, и меня начало клонить в сон, я случайно уснул».

Хо Шу взял его беспокойную руку: «Наелся?»

Таоюй, увидев это, остановился, покраснел и кивнул.

«Почему губы такие красные?»

Таоюй, услышав это, поджал губы: «Это от красной бумаги. Разве это некрасиво?»

Хо Шу внимательно посмотрел на губы Таоюя, похожие на мартовскую айву.

Он ничего не ответил, просто встал и внезапно расстегнул пояс.

Таоюй, увидев, как Хо Шу внезапно раздевается, покраснел до ушей, поспешно отвернулся, но всё же не удержался и бросил взгляд, желая посмотреть, как выглядит Хо Шу без одежды.

Хо Шу небрежно бросил свадебный наряд в сторону, оставшись лишь в красной нательной рубашке. Хотя он избавился от стеснения пояса, распахнутая нательная рубашка лишь подчеркивала его широкие плечи и стройную фигуру.

Глядя на человека, который, сняв одежду, приближался к нему, Таоюй сильно покраснел, его сердце колотилось, как барабан.

Этот... этот человек, почему он так... нет, нет, он хотел сказать, почему он так торопится, едва войдя.

Он крепче сжал уголок одежды: «Н-нет! Мы ещё не пили свадебное вино».

«Что значит нет».

Хо Шу поднял рукав: «От свадебного наряда несет вином, тебе не кажется, что пахнет?»

«А?»

Таоюй, услышав это, глупо раскрыл рот, его лицо ещё больше покраснело. Он был действительно растерян из-за того, что так много спал.

Он поднял подбородок, поджал губы и улыбнулся Хо Шу: «Я думал, ты устал и собираешься спать».

Хо Шу смотрел на гера в свадебном наряде, который, казалось, после сна был ещё мягче обычного. Думая, что он сможет видеть его пробуждающимся каждое утро, он чувствовал, что все вокруг обретает надежду.

Он протянул руку Таоюю, тот на мгновение оцепенел, но потом положил свою руку в его ладонь.

Хо Шу отвел его к столу, налил два бокала вина и провел свадебную церемонию.

Таоюй никогда не пил вина, и, видя, как Хо Шу легко опрокинул свой бокал, словно это была

вода, он тоже залпом выпил свой, и на глазах у него навернулись слезы от острого вкуса.

В вине чувствовался вкус персика, это было вино, сделанное из персиков, которые он когда-то собирал во дворе, и которое было зарыто под персиковым деревом. Его достали только вчера, чтобы выпить во время церемонии.

Жаль только, что каким бы ароматным ни было вино, он не мог отличить его качество, чувствуя лишь сильный и обжигающий вкус.

«Где моя вуаль?»

Вино было выпито, и Таоюй с запозданием потрогал голову, думая о том, что забыл дать жениху снять вуаль.

Хо Шу поднял вуаль с края кровати.

Таоюй взял ее: «Может, я накроюсь, а ты снимешь её ещё раз?»

«Это все формальности».

Таоюй посмотрел на стоящего прямо человека и сказал: «Это всё формальности, а что же тогда не формальность?»

Хо Шу приподнял бровь, наклонился и подхватил Таоюя на руки: «Брачная ночь – не формальность».

—

<http://bllate.org/book/14480/1281200>